

О. Б. БУБЕНОК

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОНИМА БУРТАС

До сих пор спорными остаются вопросы, касающиеся этнической атрибуции и происхождения носителей этнического названия **буртас**, которое мусульманские авторы упоминали в своих сочинениях IX-X вв., где описывалось население Хазарского каганата. Эта проблема волновала ученых более двухсот лет, результатом чего стало существование нескольких гипотез: мордовская (П.С. Савельев, Й. Маркварт, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский, В.В. Гольмстен и др.); тюркская (В.А. Сбоев, И.М. Смирнов, С.М. Середонин, Ф.Ф. Чекалин, В.Ф. Венстберг, А.Х. Халиков, М.Г. Сафаргалиев и др.); угорская (Б.О. Васильев, П.П. Степанов, П.М. Черменский и др.); кавказская (А.И. Попов) [1]. В последние десятилетия стала популярной аланская гипотеза, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Традиционно особое внимание обращалось на разнообразные формы написания этого этнического названия в письменных источниках. Так, Б.Н. Захедер, В.Ф. Минорский и другие исследователи обратили внимание на то, что это название было известно в древнерусских текстах XIII-XVII вв. как **буртас**, у мусульманских авторов IX-XI вв.: ал-Кальби как **б.рджас**, ал-Масуди, ал-Истахри и Ибн Хаукаля как **б.ртāс**, у Ибн Русте и Гардизи как **б.рдāс**, в «Худуд ал-'Алам» как **б.рā дāс**, а у ал-Бакри как **ф.рдāс**. А это позволяет считать, что оригинал этого названия должен был выглядеть иначе, чем древнерусское **буртас** [2, с. 15; 3, с. 230; 4, р. 462]. На основании этого В.Ф. Минорский пришел к выводу, что форма **ф.рдāс**, представленная у ал-Бакри, является наиболее близкой к оригиналу [4, р. 462].

В свое время приверженцами аланской гипотезы были предложены несколько вариантов перевода названия **ф.рдāс** как самоназвания восточно-европейских аланов-асов, если исходить из того, что во второй части этого термина может быть самоназвание аланов – **ас**. При этом исследователи

допускали два варианта этого этнонима: **ф.рм̄ас** и **ф.рд̄ас**. Т. Левицкий и Г.Е. Афанасьев склонны видеть в его первой части осетинский термин **fyrt / furt** – «сын, потомок» и соответственно этому перевели с осетинского **ф.рм̄ас** как «потомки асов» [5, с. 1-14; 6, с. 39]. В.А. Бушаков предлагает рассматривать это название как осетинский термин **фарджас** – «асы, которые отделились» [7, с. 38-40]. О. Прицак и И.Г. Добродомов соотносят первую часть этнонима с осетинским **furd / ford** – «большая река» и соответственно тому переводят **ф.рд̄ас** как «речные асы» [8, р. 264; 9, с. 40]. Именно последняя этимология в последние десятилетия стала особо популярной у приверженцев аланской гипотезы.

Несколько лет назад автор данной статьи выдвинул близкую по семантике иранскую этимологию этнонима **ф.рд̄ас** – «асы брода (переправы)» [10, с. 123-137; 11, с. 28-29]. Основанием для этого стало, прежде всего, указание В.И. Абаева на то, что в языке средневековых аланов существовал термин для обозначения брода, переправы – **fard**, который, по его наблюдениям, являлся производным от древнеиранского **p.rtu**, с тем же значением [12, с. 485-486]. Вторым аргументом стало то, что близкие по семантике термины существовали в этнической номенклатуре юга Восточной Европы для обозначения оседлого населения дохазарского и послехазарского периодов. Так, в «Повести временных лет» легендарный основатель Киева Кий фигурирует как *перевозникъ* [13, с. 18-19]. С середины XII по начало XIII вв. в письменных источниках (в первую очередь в древнерусских летописях) для обозначения оседлого населения степей Северного Причерноморья использовался новый термин **бродники**, и это при том, что прежние названия оседлого населения степей (в том числе этноним **ясы**) уже не использовались [14, с. 342; 15, с. 39; 16, с. 91-92; 17, стб. 508]. Стало быть, термин **бродники** мог быть переводом на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов-ясов – **фард̄ас** – «асы брода (переправы)».

Данная гипотеза может быть убедительной, если удастся доказать, что в хазарский период определенная часть аланов-асов проживала на берегах большой реки, именно в том месте, где функционировала переправа. При этом данная группа населения должна была быть хорошо известна не только хазарам, но и другим народам.

Два десятилетия назад Г.Е. Афанасьев высказал мнение, что под буртасами мусульманских источников следует понимать, прежде всего, тех аланов, которые в хазарское время проживали в лесостепном Подонье [6, с. 28-41]. Однако совсем недавно А.А. Тортика сделал очень важное наблюдение, согласно которому мусульманские купцы на Дону никогда или почти никогда не бывали, а поэтому устойчивых позитивных знаний о его бассейне не имели (это и отразила арабо-персидская географическая литература). В результате

этого был сделан вполне закономерный вывод, что приволжская локализация буртасов, как и раньше, является более приемлемой и соответствующей содержанию средневековых географических описаний [18, с. 302-333].

Многие исследователи локализуют буртасов преимущественно на правом берегу Средней Волги, что соответствует сведениям мусульманских авторов о нахождении их вблизи от волжских булгар. Эту локализацию подтверждают и названия на местности. Данные топонимии свидетельствуют о том, что топонимы типа **Буртас**, **Буртасы** получили распространение именно на правом берегу Средней Волги, а на левом берегу Волги практически отсутствуют [19, с. 200-203; 20, с. 119; 21, с. 18-19; 1, с. 206-207].

Но есть свидетельства средневековых текстов, которые позволяют локализовать буртасов не только на Средней Волге, но и в районе Нижнего Поволжья – недалеко от хазар. Так, у ал-Мас'уди имеется довольно интересная информация о маршруте русов во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.). По данным ал-Мас'уди, согласовав свои действия с хазарским царем и пообещав ему часть добычи, русы «вошли в пролив, достигли устья реки (Дона – О.Б.) и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги – О.Б.), по которой они спустились к городу Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...», т.е. мусульманский автор косвенно указывает на то, что русы воспользовались сухопутным волоком в месте наибольшего сближения Дона и Волги, на что неоднократно указывали исследователи. Находясь в Каспийском (Хазарском) море, русы занимались грабежом мусульман. По возвращении русы были встречены в районе Атиля войсками хазарских мусульман, среди которых ведущее место принадлежало хазарским наемникам «ларисийа», которые не знали об уговоре хазарского царя с русами. В результате, победу над русами одержали хазарские мусульмане [22, с. 199-200; 2, с. 131-132; 23, с. 167-168].

Однако сведения ал-Мас'уди о завершении данного похода до сих пор вызывают в среде современных исследователей различные интерпретации, потому что упоминание в данном фрагменте буртасов и булгар, как соседей, дало основание некоторым исследователям считать, что описанные события происходили на Средней Волге. Так, В. Минорский предложил свой вариант перевода данного фрагмента сочинения ал-Мас'уди: «Спаслось из них около 5 тыс., которые на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас. Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые [также] поубивали их» [22, с. 200]. Аналогичный перевод и комментарий предложил также О. Прицак [23, с. 168-169]. Однако имеются основания больше доверять переводу А.Я. Гаркави, потому что он более близок к тексту оригинала: «Около же 5 000 из них спаслись и

отправились на судах в страну, примыкающую к стране Буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране Бургар и те убили их» [2, с. 133].

Приверженцев средневожской локализации упомянутых буртасов и болгар не смущает тот факт, что русы не могли бежать на север, в глубь хазарской территории, ибо им предстояло проплыть примерно 1000 км вверх по реке. На это еще пять десятилетий назад обратила внимание Л.Э. Алихова, которая аргументированно показала, что русы могли возвращаться лишь по известному им пути [24, с. 52]. Поэтому вполне обоснованным выглядит мнение М.И. Артамонова, согласно которому русы «высадились на берег, вероятно, для того, чтобы перебраться на Дон прежней своей дорогой» [25, с. 370]. Следовательно, ал-Мас'уди в данном фрагменте своего сочинения упомянул тех буртасов, которые проживали возле волока между Волгой и Доном, а под упомянутыми булгарами следует видеть одно из болгарских племен, проживавшее по-соседству с ними, на восточном берегу Азовского моря. Что же касается мусульман, которые разгромили русов в стране болгар, в Восточном Приазовье, то ими могли быть сами хазарские мусульмане – «ларисийа» (ал-арсийа), которые попали сюда с Нижней Волги, пройдя степи Предкавказья.

Вполне возможно, что по этому же маршруту двигались русы против хазар и во время похода, описанного Ибн Хаукалем. А.П. Новосельцев доказал, что Ибн Хаукаль упоминает поход, который состоялся не в 965 г., а чуть позже – в 968 г. [26, с. 220]. Интересно, что в данном фрагменте сочинения Ибн Хаукаля представлен перечень народов, которые подверглись нападению со стороны русов по пути из Азовского моря в Каспийское: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар...» [27, с. 35]. О том, что одно из подразделений буртасов находилось на берегу Волги, но недалеко от хазарской столицы – Итиля, свидетельствуют некоторые другие мусульманские авторы. Так, ал-Истахри (X в.) и Йакут (XIII в.) прямо указывали на то, что нет между хазарами и буртасами другого народа [3, с. 232; 28, с. 96]. По словам ал-Истахри: «Буртасы – народ, соседящий с хазарами, нет между ними и хазарами другого народа; они – люди, расположившиеся вдоль долины Аттила» [29, р. 96]. Довольно интересно, что Ибн Русте (X в.) и ал-Бакри (XI в.:) отмечают и расстояние от хазар к этим буртасам: «Земля буртасов лежит между Хазарской и Болгарской землями на расстоянии 15 дней пути от первой» [30, с. 19; 31]. Совершенно очевидно, что здесь не идет речь о буртасах, которые проживали на правобережье Средней Волги, к которым плыть против течения надо было бы не 15 дней, а месяц. Но если учитывать, что одна группа буртасов проживала возле перволоки между Волгой и Доном, то расстояние в 15 дней пути выглядит достаточно реальным.

Таким образом, мусульманские купцы, продвигаясь Волгой от хазарской столицы Итиля на север к Волжской Булгарии, должны были бы дважды встретить буртасов на правом берегу Волги – сначала возле переволоки от Волги к Дону, а потом еще и на Средней Волге, недалеко от Волжской Булгарии. Именно этот фактор и мог способствовать тому, что буртасы воспринимались то как соседи хазар, то как соседи волжских булгар. Сообщение ал-Мас'уди о событиях после 300 г. х. (912 г.) позволяет считать, что во времена набегов русов на Хазарию и мусульманские страны Прикаспия, в конце IX – в первой половине X вв., в обязанности буртасов входил контроль волока между Доном и Волгой.

В данной ситуации обращает на себя внимание то, что недалеко от этого волока на левом берегу Дона находилась хазарская крепость Саркел – Белая Вежа. Поэтому особый интерес представляют сведения «Повести временных лет» о походе Святослава против хазар в 965 г., где в большинстве списков этой летописи сказано: «В лета 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изидоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишоя обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победы и Касоги» [15, с. 287; 14, с. 246]. По мнению М. Грушевского [32, с. 462], Т.М. Минойвой [33, с. 199], А.П. Новосельцева [26, с. 220] и других исследователей, войско Святослава двигалось с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону.

О нахождении аланов-ясов в самом Саркеле в хазарское время могут свидетельствовать результаты археологических раскопок, проведенных под руководством М.И. Артамонова несколько десятилетий назад.

Константин Багрянородный сообщает, что поводом к строительству Саркела на берегу Танаиса (Дона – О.Б.) была просьба хазар, крепость построил византиец Петрона «по прозвищу Катамир» [34, с. 170-171]. Однако необходимо обратить внимание на наблюдение М.И. Артамонова, в соответствии с которым «непосредственными производителями строительных работ в Саркеле, без сомнения, были представители местного населения». По мнению исследователя, «присланный византийским императором по просьбе хазар Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты, скорее всего, были советниками хазар». Характерно, что к этим выводам М.И. Артамонов пришел в результате тщательного изучения городища, которое находилось на левом берегу Дона вблизи станицы Цимлянской и традиционно связывается с легендарным Саркелом [25, с. 301-302].

Для нас особый интерес представляет оседлое салтовское население Саркела, которое проживало в западной части крепости. Эта группа оставила после себя жилища в виде землянок, а также типичную салтовскую керамику. Кроме того, в Саркеле среди салтовцев получили распространение глиняные котлы с внутренними ушками, а также овальные юртообразные жилища.

Оставленные этой группой населения возле юго-западной стены Саркельской крепости ямные погребения позволили М.И. Артамонову связать их с носителями так называемого «зливкинского типа». Однако исследователь вынужден был признать, что «болгары на Дону в хазарское время письменными источниками не засвидетельствованы» [25, с. 314]. Именно это дало М.И. Артамонову основание связать салтовские памятники Саркела не только с болгарской культурой Добруджи и Среднего Поволжья, но и с аланской культурой Северного Кавказа [25, с. 315].

Краниологические исследования черепов салтовского населения Саркела позволили антропологам выявить две группы, аналогичные сериям как Зливкинского, так и Верхнесалтовского могильников [35, с. 263-264; 36, с. 282-294; 37, с. 13]. Кроме того, С.Г. Ефимова и Т.С. Кондукторова пришли к выводу, что «долихо-мезокранный европеоидный компонент с относительно узким лицом сыграл значительную роль в формировании антропологического состава Саркела и доминировал среди сельского населения» [38, с. 565]. Таким образом, данные антропологии позволяют говорить о смешанном характере салтовского населения Саркела, среди которого значительное место занимали выходцы из северокавказской Алании. Такую же картину нам дает и погребальный обряд этого населения Саркела.

По данным О.П. Артамоновой, 21 погребение салтовского типа было сосредоточено вдоль внешней стороны юго-западной стены крепости. Они совершались в круглых ямах по обряду, который представлял собой симбиоз традиций катакомбных и ямных могильников салтовского типа, где положение умерших было именно таким, как на катакомбных могильниках: мужчины лежали на спине, а женщины в скорченном положении на боку. С катакомбными могильниками Саркельский могильник роднит также то, что здесь встречались и групповые захоронения, где вместе со взрослыми хоронили детей. На территории Саркельской крепости встречаются также захоронения на дне заброшенных землянок, как на памятниках лесостепного Подонья. Кроме того, во дворе Саркельского городища было выявлено погребение (№ 3), которое фактически представляло собой катакомбу салтовского типа [37, с. 12-20].

Все сказанное выше позволяет считать, что в Саркеле в хазарское время, среди прочих этносов, находились и аланы, основная территория проживания которых должна была находиться рядом с крепостью. Именно это население и было известно в 965 г. в древнерусских летописях под названием *ясы*. Указание же некоторых мусульманских авторов на нахождение буртасов вблизи сухопутного волока между Доном и Волгой, который находился как раз недалеко от Саркела, позволяет считать этих буртасов и ясов одной этнической группой. В их обязанность в первой половине X в. входил контроль над волоком в период экспансии русов. Однако

буртасы-ясы могли этим заниматься лишь с конца IX в., тогда как салтовское население в данном районе появилось значительно раньше. И непонятно поэтому первоначальная причина появления северокавказских аланов и болгар в местах наибольшего сближения Дона и Волги. Следовательно, имеет смысл обратиться к анализу ситуации, связанной с постройкой Саркела.

В современной археологической литературе существует несколько версий относительно причин переселения аланов в первой половине VIII в. с территории Северного Кавказа в лесостепное Подонье [39, с. 184-186; 40, с. 296-300; 41, с. 48-64]. По мнению С.А. Плетневой, эти аланы-переселенцы во время своего передвижения в лесостепь должны были пройти через донские степи [39, с. 185]. Выходит, что часть этих аланов осталась и поселилась в том районе, где со временем возникли Правобережное Цимлянское и Левобережное Цимлянское городища. По предположению С.А. Плетневой, хазарская крепость Саркел возникла, прежде всего, как торговый центр, который находился на пересечении важных торговых путей. Эти же функции Белая Вежа, по утверждениям исследовательницы, продолжала выполнять и в древнерусский период. Интенсивная торговля должна была оказывать содействие, по мнению С.А. Плетневой, переселению в город разных групп населения, среди которых были и аланы [42, с. 142-158]. Тем не менее, следует напомнить, что в свое время М.И. Артамонов придерживался по этому поводу совсем другого мнения, которое базируется не только на результатах археологических исследований, но и на данных византийских авторов.

Так, Константин Багрянородный сообщает, что Саркел был построен во времена византийского императора Феофила, который царствовал с 829 по 842 гг. [34, с. 170-171]. Кедрин и продолжатель Феофана уточняют, что эта крепость была построена между 834 и 837 гг. [43, с. 122-124; 44, с. 130]. Что же касается причин строительства Саркела, то продолжатель Феофана отмечает, что в его времена (в IX в.) крепость Саркел разделяла печенегов и хазар [43, с. 122-123]. Иоанн Скилица и Кедрин сообщают, что защита от нападений печенегов была целью сооружения Саркела [45, с. 73; 44, с. 130]. По мнению К. Цукермана, в данной ситуации византийские авторы перепутали печенегов с венграми, которые в первой половине IX в. стали угрожать хазарам с запада [46, с. 664].

В свое время М.И. Артамонов исследовал на правом берегу Дона, напротив того места, где был построен Саркел, остатки небольшой, но мощной крепости, которая получила впоследствии название Правобережное Цимлянское городище. Она была расположена на высоком берегу Дона и контролировала переправу. По наблюдениям М.И. Артамонова, «по времени возникновения крепость, судя по всему, не выходит за пределы VIII в.» [25, с. 321]. Итак, эта крепость была построена для того, чтобы мешать переправе врага с востока. Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что рядом находилось место

наибольшего сближения Дона и Волги, которое использовалось мореплавателями как переволока для кораблей. Но в те времена наибольшую опасность для хазарских территорий могли представлять нападения кочевников, которые могли перейти Волгу в зимний период и двигаться дальше на запад через Дон вглубь хазарской территории. Как это могло происходить, на примере гузов в первой половине X в., свидетельствует ал-Мас'уди: «здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. [Их задача] оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря к Нитас (т.е. Понту, Черному морю). Это [нужно] потому, что тюркские кочевники – гузы приходили зимовать в этих местах. Иногда рукав (волок – О.Б.), который соединяет реку хазар (Волгу) с проливом Понта (нижнее течение Дона и Азовское море – О.Б.), замерзает, и гузы с их конями переправляются через него. Это большая вода, но она не расступается под ними потому, что [зимой] она крепнет, как камень. Так гузы проходили на хазарскую территорию и нередко, когда люди хазарского царя, поставленные здесь для отражения гузов, не могли удержать их, выступал сам царь, чтобы воспрепятствовать их прохождению по льду и отогнать их от своего царства; но летом для тюрков нет пути для переправы» [22, с. 198-199]. Следовательно, в том районе, где был волок и возникли Правобережное Цимлянское городище и Саркел, был наиболее уязвимый участок хазарской границы, а теми людьми хазарского царя, которые в первой половине X в. контролировали волок от Дона до Волги, были буртасы. Видимо, не случайно именно в этом наиболее оживленном районе Подонья возникли две хазарские крепости. При этом следует отметить, что хазары были почти бессильны против нападений кочевников в этом районе в зимний период. В связи с этим большой интерес представляют время и обстоятельства гибели Правобережного Цимлянского городища.

М.И. Артамонов на основе анализа нумизматического материала, найденного возле скелетов погибших защитников крепости, сделал предположение, что «крепость была разгромлена в первой трети, если не четверти, IX в., во всяком случае до строительства Саркела» [25, с. 322]. На основании этого, а также основываясь на анализе политической ситуации в Хазарском каганате в это время, М.И. Артамонов выдвинул предположение, согласно которому «Правобережная крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы составляющих ее социальных сил» [25, с. 322], т.е. исследователь имел в виду гражданскую войну в Хазарии, которая началась в тот период. Тем не менее, полное уничтожение, а не захват крепости, не может свидетельствовать о причастности к этому самих хазар. Полное разрушение крепости было выгодно лишь кочевникам, которые заседали с востока на границы Хазарского каганата. Были это мадьяры или печенеги, предстоит еще установить.

Кроме того, данные археологических раскопок и краниологических измерений позволяют считать, что салтовское населения Правобережного Цимлянского городища состояло из тех же компонентов, что и население более позднего Левобережного городища – Саркела. Следует отметить, что здесь кроме населения зливкинского типа были представлены и родственные жителям Верхнего Салтова группы. Так, на селище, которое находилось рядом с Правобережным Цимлянским городищем, в яме одного из жилищ был выкопан небольшой подбой, который явно напоминал салтовскую катакомбу. Как отметила С.А. Плетнева, «поскольку вырыть катакомбу в песке невозможно, купол ее могли изготовить просто из дерева (плетеный, дощатый) и завалить землей» [47, с. 307]. Данные находки вполне закономерны, так как на Правобережном Цимлянском городище было выявлено несколько черепов долихокранного типа, что может свидетельствовать о присутствии здесь той же группы населения, что и на Левобережном Цимлянском городище (Саркеле) и в Верхнем Салтове [35, с. 301, 307]. И нет ничего удивительного в том, что в конце 50-х годов прошлого века недалеко от Правобережного Цимлянского городища, на правом берегу Дона, возле Аксая (в балке Большой Луг) был выявлен катакомбный могильник [48, с. 6]. Все это может свидетельствовать о синхронности правобережных катакомб салтовского типа и Правобережного Цимлянского городища [35, с. 307; 35, с. 301, 307; 48, с. 6]. Таким образом, в начале IX в. аланы северокавказского происхождения проживали не только на левом, но и на правом берегу Дона. Однако неясно, сохранялся ли этот массив населения на правом берегу Дона после постройки Саркельской крепости. Анализ политических событий первой трети IX в. позволяет считать, что под давлением врагов с запада эти аланы и болгары переселились на левый, восточный, берег Дона, что совпало с уничтожением Правобережной крепости и строительством несколько позже Левобережной.

Исходя из этого, следует обратить внимание на наблюдение М.И. Артамонова относительно назначения строительства Саркела: «Саркел был построен не на речном, а на сухопутном пути при переправе через реку и он должен был укрепить положение хазар, которое пошатнулось в их западных и северо-западных владениях, куда вел путь из центра Хазарии – Итиля на Нижней Волге. Находясь при самой переправе и имея хорошие коммуникации с тылом, то есть собственно Хазарией, крепость была защищена от врагов, которые появлялись с запада, не только стенами, но и широкой рекой» [25, с. 299-300]. С другой стороны, следует еще раз вспомнить наблюдение М.И. Артамонова, в соответствии с которым «непосредственными производителями строительных работ в Саркеле были представители местного населения» [25, с. 301-302]. Проведенный анализ показывает, что этим местным населением, которое строило Саркел, были алано-болгары, и это

при том, что весомые позиции среди них принадлежали аланам северокавказского происхождения.

Данные ал-Мас'уди позволяют считать, что в начале X в. местное оседлое население занималось защитой и контролем переволоки от Дона к Волге: «Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди, которые удерживают приходящих этим морем (Найтасом – О.Б.), также приходящих сухим путем с той стороны, где полоса Хазарского моря соединяется с морем Найтас» [2, с. 131]. Однако есть основания согласиться с мнением А.А. Тортики и других исследователей, что переволока начала использоваться как «транзит для русов» лишь с конца IX в. [18, с. 479]. Тогда возникает естественный вопрос: с какой целью хазары поселили аланов и болгар сначала на правом берегу Дона, там, где находилось Правобережное городище, а затем сохраняли это салтовское население на территории, где был построен Саркел?

Ответ однозначен. Необходимо, прежде всего, исходить из наблюдения М.И. Артамонова, что Саркел и более ранняя Правобережная крепость находились по берегам переправы через Дон и в соответствии с политической ситуацией должны были оборонять территорию Каганата от набегов кочевников – сначала с востока, а потом с запада, ибо кочевникам было удобно переправляться через переправу именно в этом месте течения Дона [25, с. 299-300]. Итак, первоначальной функцией местных аланов и болгар в конце VIII – начале IX вв. была охрана и обслуживание переправы через Дон, которая имела большое стратегическое значение для хазар.

Поэтому весьма логично, что этноним *ф.рд̄ас* – «асы брода (переправы)» возник как раз в этом месте Подонья. Именно иранская природа этого названия указывает, что это эндоэтноним. Подобные производственно-хозяйственные квазиэтнонимы были широко известны как среди народов античности, прежде всего, среди ираноязычных номадов (достаточно вспомнить скифов-пахарей, скифов-кочевников Геродота), так и среди народов средневековья (например, скандинавское *руотся* – «гребцы»). При этом во многих подобных случаях весьма трудно определить, где название возникло самостоятельно, а где оно стало результатом воздействия внешнего фактора.

Наиболее вероятно, что саркельские аланы изначально называли себя *ас*, так как происходили, как и их соплеменники в лесостепном Подонье, из западной части северокавказской Алании. А уже после строительства Саркела их названием стал термин *fard-as* (*бурмас*) – «асы брода». Вопрос в том, когда и при каких обстоятельствах появилось это новое этническое название? В связи с этим хотелось бы рассмотреть некоторые совпадения.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт присутствия византийцев в этом районе. Как уже отмечалось, по данным византийских авторов, Саркел был построен во времена византийского императора Феофила,

который царствовал с 829 по 842 гг., [34, с. 170-171], а точнее, между 834 и 837 гг. [49, с. 80; 50, с. 137-138; 43, с. 122-124]. Непосредственными строителями крепости, которыми руководили византийские архитекторы, были аланы и болгары. А это значит, что на протяжении нескольких лет между византийцами и аланами существовали тесные контакты. Следовательно, византийцы для обозначения местного салтовского населения должны были использовать определенный термин.

Анализ текста произведения Феофана позволяет считать, что византийцы для обозначения оседлого населения причерноморских степей, которое проживало по берегам рек, в VIII-IX вв. использовали квазиэтноним – «морьяк, мореход; гребец, матрос», которому отвечает славянский термин «перевозникъ» из «Повести временных лет» для обозначения легендарного Кия, связанного своей деятельностью с Дунаем [51, р. 438-439; 13, с. 18-19]. Исследователи уже давно обратили внимание на пассаж, который содержится в тех фрагментах разных вариантов «Хронографии» Феофана, где компилируются сообщения из «Истории» Феофилакта Симокатты об антах как об участниках событий начала VII в., которые происходили на берегах Дуная. Так, в лейпцигском издании 1887 г. произведения Феофана сообщается, что анты выступили союзниками ромеев в борьбе против аварского кагана и помогали ромеям форсировать Истр (Дунай) [52, с. 34, 58]. В боннском же издании произведения Феофана 1839 г. для обозначения антов использовано такое сочетание которое дало основание переводчикам текста вместо термина **анты** написать «перевозчики» [51, 1839, р. 438-439; 53, с. 215; 54, с. 276]. Кроме того, исследователи установили, что наиболее ранние сведения о буртасах содержатся в произведении мусульманского автора ал-Калби, который жил именно в первой половине IX в., где буртасы известны как **бурджас** [2, с. 15, 20].

Если отбросить возможность случайности данных совпадений, то следует быть уверенным в том, что византийцы в 30-е гг. IX в. использовали для обозначения аланов, которые строили под их руководством крепость Саркел, экзоэтноним нбхфбй – «перевозчики». До этого местные аланы должны были называть себя просто **ас**, а уже после строительства Саркела они могли усвоить, благодаря влиянию византийцев, новое самоназвание **fard-as (буртас)** – «асы брода (переправы)». И этот этноним в границах Хазарского каганата мог довольно быстро распространиться для обозначения восточноевропейских аланов на правобережье Средней Волги, а, возможно, и в лесостепном Подонье, благодаря посредничеству хазар. Среди хазар, которые были тюркоязычным народом, термин **fard-as** приобрел вид **б.рмас**, так как в тюркских языках отсутствует согласный **ф**, и таким образом последнее название стало официальным названием восточноевропейских аланов и свя-

занных с ними территориально этнических групп. По крайней мере, в своем письме хазарский царь Иосиф, перечисляя подвластные ему народы, упоминает народ *бурт-с*, который был соседом волжских булгар [55, с. 98-102]. К этому следует добавить, что до IX в. этноним *буртас* не был известен в письменных источниках, и наиболее ранние сведения о буртасах содержатся у ал-Калби, который лишь в первой половине IX в. и упомянул название *бурджас* [2, с. 15, 20]. Некоторые исследователи даже не считают это название обозначением для буртасов. А если это так, то нет сомнений в том, что термин *б.ртас* появился после строительства Саркельской крепости! Естественно, скептики могут указать и на другие места, где на берегах больших и малых рек обитали аланы – лесостепное Подонье и правобережье Средней Волги. Однако эти регионы в IX в. находились на большом удалении от эпицентра событий, которые сотрясали Хазарский каганат, и стали хорошо известны мусульманским купцам и путешественникам лишь с конца IX в. В районе же Саркела в первой половине IX в. переплелись судьбы хазар, византийцев, печенегов, венгров, болгар и аланов. Крепость Саркел уже с момента ее сооружения стала хорошо известной в письменных источниках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960.
2. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.
3. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962. Т. I.
4. Minorsky V. Hudud al-Alam. The regions of the world. London; Oxford, 1937.
5. Lewicki T. Ze studiow nad irodiami arabskimi Czeź Siedriby i pochodzenie Burtasyw // Slawa Antiqua. Posnan, 1965. № 12.
6. Афанасьев Г.Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII – начале X вв. // СЭ. 1984. № 4.
7. Бушаков В.А. Етноніми «бодрак» і «буртас». До питання про історичну долю буртасів // Східний світ. 1995 (№ 2) – 1996 (№ 1).
8. Pritsak O. The Khazar Kingdom conversion to Judaism // Harvard Ukrainian studies. 1978. Vol. II. № 3.
9. Добродомов И.Г. О некоторых гиппологизмах и созвучных словах (Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка) // Труды НИИ языка, истории и экономики при Совмине Чувашской АССР. Чебоксары, 1980. Вып. 97.
10. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). К., 1997.
11. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). К., 2004.
12. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1958. Т. I.
13. Повесть врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). К., 1990.
14. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II.
15. Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII.
16. Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X.

17. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926-1928. Т. I.
18. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков, 2006.
19. Попов А.И. Буртасы и мордва // Ученые записки ЛГУ (Серия востоковедческих наук. Советское финно-угроведение). 1948. Вып. 2.
20. Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.
21. Добродомов И.Г. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Имя – этнос – история. М., 1989.
22. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963.
23. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
24. Алихова А.Е. К вопросу о буртасах // СЭ. 1949. № 1.
25. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
26. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
27. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Вып. 1.
28. Туманский А. Буртас и Бердас // Известия Высших Тифлиских женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1.
29. Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. 2 ed. New-York, 1954.
30. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дафта. СПб., 1869.
31. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878.
32. Грушевський М. Історія України-Русі. К., 1991. Т. I.
33. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
34. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
35. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела–Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.
36. Вуич Л.Г., Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Черепа из погребений у оборонительных стен Саркела–Белой Вежи // МИА (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III). 1963. № 109.
37. Артамонова О.П. Могильник Саркела–Белой Вежи // МИА. 1963. №109.
38. Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
39. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.
40. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
41. Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
42. Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.
43. Theophanes Continuatus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.
44. Georgius Cedrenus / Ed. I. Bekker. T. II. Bonn, 1839.
45. Ioanus Scylitzes. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thum. Berlin, 1973.
46. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
47. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
48. Артамонов М.И. Предисловие к III тому трудов Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. 1963. № 109.
49. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. 1929. № 137.

50. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во время Аморийской династии. СПб., 1900. Приложение.
51. Theophanis. Chronographia. Vol. I // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1839.
52. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
53. Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила сына его - Феофилакта // Пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М., 1890.
54. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. 1941. № 1.
55. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Bubenok O. B.

**Concerning the Circumstances, Place and Time of Origin
of the Ethnic name *Burtas***

Summary

Since the 9th century AD the Muslim authors mentioned the people *Burtas* who lived in the Khazar kaganate. However, the origin of this ethnic group is unknown. Last time some scholars support the Iranian (Alanian) origin of the *Burtas* and, as a result, they propose several Iranian (Ossetian) translations of the ethnic name *Burtas* which could have the primary forms – *ford-as* or *furt-as*. The author of this paper proposes a new primary form of this ethnic name – *fard-as* meaning in the Eastern Iranian languages «the Ases of ford». According to the data of Archaeological excavations and written sources the Alans lived in the beginning of the 9th century AD on the banks of the Lower Don where the fortress Sarkel was founded. There was a ford and, therefore, the ethnic name *fard-as* – «the Ases of ford» could be formed exactly in this well-known place. In the Khazar language it was transformed into *Burtas* and was spread among other Alanian groups of the Khazar kaganate as the official name some time later.